Золотое стремя

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был один цыган, была у него жена и семеро детей[1], и дожил он до того, что ни есть, ни пить нечего — нет ни куска хлеба! Работать-то он ленится, а воровать боится; что делать? Вот вышел цыган на дорогу и стоит в раздумье. На ту пору едет Егорий Храбрый[2]. «Здорово! говорит цыган; куды едешь?» — К Богу. «Зачем?» — За приказом: чем кому жить, чем промышлять. «Доложи и про меня Господу, говорит цыган; чем велит мне питаться?» — Хорошо, доложу! отвечал Егорий и поехал своей дорогой. Вот цыган ждал его, ждал, и только завидел, что Егорий едет назад, сейчас и спрашивает: «что ж доложил про меня?» — Нет, говорит Егорий. «Что ж так?» — Забыл! — Вот и в другой раз вышел цыган на дорогу, и опять повстречал Егория: едет он к Богу за приказом. Цыган и просит: «доложи де про меня!» — Хорошо, сказал Егорий — и опять позабыл. Вышел цыган и в третий раз на дорогу, увидал Егория и снова просит: «скажи де про меня Богу!» — Хорошо, скажу. «Да ты, пожалуй, забудешь?» — Нет, не забуду. Только цыган не верит: «дай, говорит, мне твое золотое стременó (стремя) я подержу, пока ты назад вернешься; а без того ты опять позабудешь». Егорий отвязал золотое стременó, отдал цыгану, а сам об одном стремене поехал дальше. Приехал к Богу и стал спрашивать: чем кому жить, чем промышлять? Получил приказ и хотел было назад ехать; только стал на лошадь садиться, глянул на стременó и вспомнил про цыгана. Воротился к Богу и говорит: «попался мне еще на дороге цыган и наказал спросить: чем ему питаться?» — А цыгану, говорит Господь, то и промысел, коли у кого чтó возьмет да утаит; его дело обмануть да выбожить! Сел Егорий на коня и приехал к цыгану: «ну, правду ты, цыган, сказывал! колиб нé взял ты стременó, совсем бы забыл про тебя». — То-то и есть! сказал цыган; теперь по век меня не забудешь, как только глянешь на стременó — сейчас меня помянешь. Ну, что Господь-то сказал? «А то и сказал: коли у кого чтó возьмешь — утаишь да забожишь, твое и будет!» — Спасибо, молвил цыган, поклонился и повернул домой. «Куда ж ты? сказал Егорий; отдай мое золотое стременó». — Какое стременó? «Да ты же у меня взял?» — Когда я у тебя брал? я тебя впервой вижу, и никакого стременá не брал, ей Богу, не брал! забожился цыган.

Что делать — бился с ним, бился Егорий, так и уехал ни с чем! «Ну правду сказывал цыган: коли б не давал ему стременá — и не знал бы его, а теперь

по век помнить буду!»

Цыган взял золотое стремено́ и пошел продавать. Идет дорогою, а навстречу ему едет барин. «Что, цыган, продаешь стремено́?» — Продаю. «Что возьмешь?» — Полторы тысячи рублев. «Зачем так дорого?» — Затем, что оно золотое. «Ну, ладно!» сказал барин; хватился в карман — нет больше тысячи. «Вот тебе, цыган, тысяча — отдавай стремено́; а остальные деньги напоследях получишь». — Нет, барин; тысячу-то рублев, пожалуй, я возьму, а стремена́ не отдам; как дошлешь, что следует по уговору, тогда и товар получишь. Барин отдал ему тысячу и поехал домой. И только приехал — сейчас же вынул пятьсот рублев и послал к цыгану с своим человеком: «отдай, говорит, эти деньги цыгану, да возьми у него золотое стремено». Вот приходит барской человек в избу к цыгану. «Здорово, цыган!» — Здорово, доброй человек! «Я привез тебе деньги от барина.» — Ну давай, коли привез. Взял цыган пятьсот рублев и давай поить его вином; напоил досыта! Как напоил досыта, стал барской человек собираться домой и говорит цыгану: «давай же золотое стремено». — Какое? «Да то, что барину продал!» — Когда продал? у меня никакого стремена́ не было. «Ну, подавай назад деньги!» — Какие деньги? «Да я сейчас отдал тебе пятьсот рублев.» — Никаких денег я не видал, ей Богу, не видал! еще самого тебя Христа ради поил, не то что брать с тебя деньги! — Так и отперся цыган. Только услыхал про то барин, сейчас поскакал к цыгану: «что ж ты, вор эдакой, деньги забрал, а золотого стремена́ не отдаешь?» — Да какое стремено? ну, ты сам, барин, рассуди, как можно, чтоб у эдакого мужика-серяка да было золотое стремено! — Вот барин с ним возился-возился, ничего не берет. «Поедем, говорит, судиться.» — Пожалуй, отвечает цыган, только подумай, как мне с тобой ехать то? ты как есть барин, а я мужик-вахлак! Наряди-ка наперед меня в хорошую одежу, да и поедем вместе. Барин нарядил его в свою одежу, и поехали они в город судиться. Вот приехали в суд; барин говорит: «купил я у этого цыгана золотое стремено; он деньги-то забрал, а стремена не отдает». А цыган говорит: «господа судьи! сами подумайте, откудова возьмется у мужика-серяка золотое стремено? у меня дома и хлеба-то нету! Не ведаю, чего этому барину надо от меня? Он, пожалуй, скажет, что на мне и одежа-то его!» — Да таки моя! закричал барин. «Вот видите, господа судьи!» Тем дело и кончено; поехал барин домой ни с чем, а цыган стал себе жить да поживать, да добра наживать[3].

(Из собрания В. И. Даля.)

1 Вариант: Жил-был бедной мужик Нестерка, а детей у него шестерка.
2 В одном списке вместо Егория выведен св. Петр.
3 Вариант: Только что уехал Егорий, мужик Нестерка продал золотое стремено да купил себе хлеба и всякого харчу, и с той поры завсегда у кого что ни возьмет — а уж непременно затаит и забожит.